

Б.Шляхов

Идейное наследие А.В.Луначарского и современность

В утверждении и развитии культуры нового, социалистического общества выдающаяся роль принадлежит Анатолию Васильевичу Луначарскому (1875 — 1933) — видному партийному и государственному деятелю, нарком просвещения первого Советского правительства, возглавляемого Владимиром Ильичем Лениным.

Все, кто близко знал Луначарского, общался с ним, слушал его блестящие по форме и глубокие по содержанию доклады и лекции, — буквально поражались энциклопедичности познаний этого “сверкающего человека”, его “античному красноречию”, его многогранным дарованиям и личному обаянию. “На редкость богато одаренная натура”, — говорил о нем В.И.Ленин. Академик В.Щербина в работе “Ленин и Луначарский” пишет: “Поразительно обширна и многообразна сфера деятельности Луначарского: в его лице сочетались партийный пропагандист и организатор, историк и теоретик, критик и ученый, высокообразованный знаток литературы и всех видов искусства: живописи и скульптуры, театра и кино, музыки и архитектуры. Но во всем этом он всегда являлся целеустремленным революционером, пламенным проповедником идей и культуры социализма... Он наиболее ярко раскрыл себя как выдающийся деятель социалистической культуры” (курсив наш — Б.Ш.)[1].

И понятно, почему с победой Великого Октября, когда встал вопрос о формировании первого Советского правительства, и в частности о нарком просвещения, именно кандидатура А.В.Луначарского была выдвинута В.И.Лениным на этот ответственный пост. Следует подчеркнуть, что в ведении наркомата находились не только народное образование, но и наука, художественная культура, библиотечная и книгоиздательская деятельность, музеи, исторические памятники. К тому же, задачу огромной сложности — *создание качественно новой, социалистической культуры* предстояло решать в стране нищей и разоренной войной, где большинство населения было неграмотным и трудящиеся массы фактически были лишены доступа к высшим духовным ценностям, составлявших монополию господствующих классов.

Революционер, “богостроитель”, нарком

А.В.Луначарский родился 11(23) ноября 1875 г. в Полтаве в семье чиновника. В 1887–95 гг. учился в 1-й Киевской гимназии (об этом говорит мемориальная доска на ее здании, расположенном на бульваре Тараса Шевченко. Примечательно, что в тридцатые годы здесь работал нарком просвещения Советской Украины В.П.Затонский, о чем также свидетельствует мемориальная доска). В активную революционную деятельность включился, будучи учеником 7 класса гимназии: вступил в социал-демократическую организацию, стал агитатором среди рабочих и ремесленников железнодорожного депо в предместье Киева — на Соломенке.

После окончания гимназии Луначарский уезжает за границу для продолжения образования и поступает в университет в Цюрихе (Швейцария), где усиленно изучает философию и естествознание. Он слушает лекции и посещает семинары одного из видных представителей модной в то время позитивистской философии — эмпириокритицизма Рихарда Авенариуса. В Швейцарии знакомится с деятелями “Группы освобождения труда” Г.В.Плехановым, П.Б.Аксельродом, В.И.Засулич, оказавшими на него большое влияние.

Осенью 1898 г. Луначарский возвращается в Россию, чтобы, по его словам, “начать практическую революционную работу”. В апреле 1899 г. был арестован и заключен в одиночную камеру Таганской тюрьмы в Москве. После освобождения в январе 1900 г. был отправлен на жительство под надзор полиции в Калугу, а затем по приговору суда сослан на два года в Вологодскую губернию.

В мае 1904 г. Луначарский возвращается из ссылки в Киев, а в октябре того же года по вызову В.И.Ленина выезжает за границу для участия в центральном органе большевистской партии — газете “Вперед”. Он входит в редакцию газеты “Вперед”, а затем газеты “Пролетарий”.

На состоявшемся весной 1905 г. в Лондоне III съезде РСДРП Луначарский по поручению Ленина выступает с докладом о вооруженном восстании. В октябре 1905 г. в Швейцарию приходит весть о революционных событиях в России. Ленин, большевики поспешили в Россию. В ноябре 1905 г. приезжает в Петербург и Луначарский. И сразу же активно включается в работу первой легальной большевистской газеты “Новая жизнь”.

Поражение революции 1905–07 гг. и последовавшая за ней жестокая реакция тяжело отразились на деятельности Луначарского. При всем своем искреннем стремлении найти правильную позицию в условиях угасания революционной активности масс он допускает ряд серьезных ошибок в принципиальных политических и идеологических вопросах, отходит от ленинского ядра партии, становится на позиции отзовизма (отказа от использования легальных форм работы). Он сближается с А.Богдановым, становится участником фракционной группы “Вперед”.

Серьезные отступления от марксизма в этот период Луначарский допускает и в области философии. Так, стремясь увлечь массы социалистическими идеалами, он пытается представить социализм в качестве некоей новой религии, выступает с проповедью “богостроительства” — “обожествления высших человеческих потенций”, что нашло свое отражение как в его работе “Социализм и религия”, так и в ряде других работ, вызвавших решительную критику со стороны Ленина. В своем фундаментальном философском труде “Материализм и эмпириокритицизм” (1909) Ленин осуждает проповедь “богостроительства” как “позорную вещь”, “порождение эмпириокритицизма и русского, и немецкого”. Имея в виду коллективный сборник “Очерки философии марксизма” (СПб, 1908), выпущенный группой Богданова, в котором содержалась “богостроительская” статья Луначарского, Ленин отмечал, что в этом “коллективном труде *против* философии марксизма Луначарский договорился до “обожествления высших человеческих потенций, до “религиозного атеизма” и т.п.”, что на самом деле “нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса, И.Дидгена, даже Фейербаха, а есть *прямо обратное*”[2].

Ленин подчеркнул, что ссылка Луначарского на “хорошие намерения”, которыми он руководствовался, не может служить оправданием глубоко ошибочной и вредной теории, какой являлась его “богостроительская” концепция.

Ленинская критика помогла Луначарскому понять свои ошибки и преодолеть их. С 1912 г. он начинает сотрудничать в большевистской газете “Правда”, что с одобрением было встречено Лениным.

Февральская революция застала Луначарского в Швейцарии. В мае 1917 г. он возвращается с Россией и сразу же с головой окунается в

революционную работу, направленную на свержение Временного правительства и установление власти Советов. На VI съезде РСДРП Луначарский в числе “межрайонцев” был принят в большевистскую партию.

В Октябрьские дни он выполняет ответственные поручения Военно-революционного комитета по подготовке вооруженного восстания. На историческом II Всероссийском съезде Советов Луначарский, избранный в президиум съезда, оглашает написанное Лениным воззвание “Рабочим, солдатам и крестьянам”, в котором говорилось о низвержении Временного правительства и переходе всей власти в руки Советов. 26 октября 1917 г. декретом II съезда Советов было образовано первое рабоче-крестьянское правительство, в которое, как отмечено выше, по предложению Ленина в качестве народного комиссара просвещения был включен Луначарский.

Факт выдвижения Луначарского на столь высокий и ответственный пост явился также признанием происшедших в его взглядах перемен, свидетельствующих о том, что, освобождаясь от своих прежних философских заблуждений, он утверждался на позициях марксистской философии. Об этом убедительно говорят его философские труды 20-х гг. — “Идеализм и материализм”, “Беседы по марксистскому мировоззрению”, “Естествознание и марксизм” и др.

Организатор новой советской системы просвещения

Являясь в течение 12 лет (1917–1929) руководителем Наркомпроса, Луначарский выполнил огромную работу по организации новой, советской системы просвещения, строительству социалистической культуры. Вся его деятельность как наркома просвещения была направлена на преодоление отчуждения миллионных масс от духовных ценностей, порожденных эксплуататорским строем, создание новой системы образования, развитие науки, искусства, изменение всего уклада жизни народа на новых, подлинно гуманистических началах. Следует подчеркнуть, что определение конкретных путей реализации этих задач было делом исключительно сложным, не имеющим аналогов в истории. Их успешное решение было бы невозможно без опоры на ленинскую концепцию строительства социализма и развития культуры, ленинские советы и помощь, на которые опирался нарком просвещения. В своей практической деятельности по формированию и руководству процессами развития культуры нарком иногда допускал ошибки, но всегда обретал опору и внутреннюю уверенность в ленинских идеях, выравниваясь “под необычайно четкую, смелую линию, которую вел Ленин”[3].

Процесс формирования социалистической культуры Ленин рассматривал как органическую составную часть революционного преобразования жизни народа, раскрепощения его творческих талантов. Поэтому непереносимое условие строительства новой культуры он видел в приобщении ранее угнетенных масс ко всем достижениям мировой культуры, вовлечению их во все сферы творчества. Так, раскрывая великую гуманистическую миссию Октябрьской революции, В.И.Ленин говорил: “Раньше весь человеческий ум, весь его гений творили только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средство насилия, в средство эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдавать всех сил?”[4].

Именно осуществлению этой величайшей исторической задачи отдавал все свои силы и творческое дарование первый нарком просвещения.

Луначарский последовательно отстаивал в полемике с разного рода скепсисами мысль о великой *гуманизирующей цели социалистической революции*, четко выдерживая подлинно марксистскую линию. Достаточно вспомнить его полемику с некоторыми литераторами в период революции 1905–07 гг., когда он доказывал, что революция не является самоцелью, что “революция есть средство к созданию гармонической культуры, к бесконечному росту сил и красоты человека” (7, 140)[5]. Мысль о гуманистической сущности социалистических преобразований, их органическом единстве с культурной революцией он проводит во многих своих выступлениях — докладах, статьях, лекциях.

Так, в докладе на Первом Всесоюзном съезде учителей (1925) Луначарский говорит: “Было бы бессмысленно захватить власть, если бы мы не сделали людей счастливыми. Власть захватывается именно для того, чтобы дать счастье людям”. И далее он поясняет: “Последняя наша цель создать такое братское единение людей, которое поднималось бы выше и выше и полностью развернуло бы все материальные блага, все богатства и возможности, которые доступны человеку. Так великий Маркс и сформулировал наши цели. Он сказал: “Последняя цель коммунизма есть высшее развитие богатства, а если вам покажется, прибавляет он, что это очень узкое экономическое определение, то я разъясню, что под богатством я разумею наибольшее развитие всех заложенных в человеке способностей, а развитие человеческих способностей: умственных, художественных, жизненных — это и есть культура”. И Луначарский формулирует следующий вывод, следующую важную мысль: “И если культура, таким образом, нужна нам для нашего продвижения к коммунизму, то можно сказать и другое: коммунизм совершенно бессмысленен, если не служит культуре. Культура — образование, наука, искусство — это не только средства, путем которых мы идем к намеченной цели. Это вместе с тем самая высокая цель. Следовательно “культура является не только средством, но и целью” (курсив наш — Б.Ш.)[6].

Решающим условием осуществления культурной революции в стране, ее первоочередной задачей было просвещение широких народных масс, ликвидация неграмотности. Для этого необходимо было создать новую систему образования и воспитания, разработать и реализовать на практике принципы новой школы, доступной трудящимся массам, преследующей цель формирование духовного богатства личности. По инициативе Ленина для ликвидации неграмотности была разработана и реализована программа внешкольного образования. Специальным декретом правительства все население республики в возрасте от 5 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязывалось обучаться грамоте. При Наркомате просвещения была создана специальная комиссия по ликвидации неграмотности, организовано общество “Долой неграмотность” и приняты практические меры для ликвидации этого позорного явления, порожденного старым эксплуататорским режимом. И уже к первому десятилетию около 10 млн. взрослого населения ликвидировали свою неграмотность.

“...Школу сделать орудием воспитания личности”

Луначарский сыграл выдающуюся роль в выработке основных принципов новой школы, ее утверждении и развитии. В основу этих принципов были положены ленинские идеи о том, что, в отличие от старой, буржуазной школы, которая стремилась “натаскать расторопных слуг буржуазии” и служила ей, новая школа должна быть тесно связана с жизнью трудящихся масс и что необходимо “школу сделать орудием воспитания личности” (курсив наш — Б.Ш.)[7].

Так, в Обращении к гражданам России “О народном просвещении”, написанном Луначарским в первые дни после победы Октября, определялась задача: “Добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения, а вместе с тем устройства ряда таких учительских институтов и семинарий, которые как можно скорее дали бы могучую армию народных педагогов, потребную для всеобщего обучения необъятной России”. И далее отмечалось, что “идеал, это равное и возможно более высокое образование для всех граждан” и что “трудовой

народ, взявший власть, не может не понимать, что знание послужит ему величайшим оружием в его борьбе за лучшую долю и за свой духовный рост". В Обращении выражалась уверенность, "что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма и братства народов"[8].

В ноябре 1917 г. Луначарский выступает в печати с обращениями "Ко всем учащимся" и "К учащимся", в которых принципиально, с классовых позиций оценивает саботаж старой интеллигенции как акцию, глубоко враждебную трудовому народу, позорящую ее; обращается к учительству, к молодежи помочь Советской власти в ее борьбе с нищетой и невежеством. "Ведь учитель, подлинный учитель, каким он должен быть, должен прежде всего быть с народом... Позор тем, кто покидает его... Народ зовет вас работать вместе"[9].

Луначарский понимает, что осуществление на практике глубокого реформирования школы невозможно без привлечения лучших, талантливых представителей старой интеллигенции и формирования кадров новой интеллигенции из числа рабочих и крестьян. И в этом отношении он прилагает беспрецедентные усилия. Благодаря своим глубоким знаниям, исключительному личному обаянию, беззаветной преданности делу социализма, вере в силы и таланты, таящиеся в народе, в каждой человеческой личности, Луначарскому удается увлечь на свою сторону многих представителей старой интеллигенции — ученых, педагогов, художников, артистов — людей науки и искусства, которые включились в великое дело строительства нового общества, новой культуры.

Отстаивая марксистско-ленинскую концепцию культуры, высшей ценностью которой остается личность, Луначарский глубоко понимал, что ее гармоническое развитие, предполагающее формирование разума, воли и чувств, требует и соответствующей гармонии педагогических воздействий. А значит, недопустима недооценка, а тем более игнорирование эстетического развития учащихся, формирования сферы чувств, которую многие теоретики, да и практики в педагогике не принимали всерьез. Луначарский в своих работах убедительно доказал, что в жизнедеятельности людей чувства играют огромную роль, что, только влияя на чувства, мы влияем на волю человека, что знания становятся убеждениями лишь проникая в эмоциональную сферу человека. И поэтому формирование эстетического чувства, эстетическое воспитание представляет одну из важнейших сфер формирования духовного богатства личности. Эта идея Луначарского нашла свое отражение в "Основных принципах единой трудовой школы", где записано: "Предметы эстетические: лепка, рисование, пение, музыка — отнюдь не являются чем-то второстепенным, какой-то роскошью жизни... Вообще под эстетическим образованием надо разуметь не преподавание какого-то упрощенного детского искусства, а систематическое развитие органов чувств и творческих способностей, что расширяет возможность наслаждаться красотой и создавать ее. Трудное и научное образование, лишенное этого элемента, было бы обездушенным, ибо радость жизни в любовании и творчестве есть конечная цель и труда и науки"[10].

К сожалению, этот аспект "Основных принципов..." по ряду причин в последующие годы не был реализован в полной мере. В то же время отдельные талантливые педагоги идеи эстетизации школы стремились воплотить в жизнь. Таким был и замечательный украинский советский педагог В.А.Сухомлинский, директор Павлышской средней школы, где эстетика, красота буквально пронизывали все сферы жизни коллектива, к чему как раз и стремился Луначарский.

Наряду с вопросами созидания качественно новой системы школьного образования в центре внимания наркома постоянно находились и проблемы внешкольного образования всего населения страны, преимущественно связанные с задачей преодоления неграмотности. Так, в речи на курсах инструкторов по внешкольному образованию в Петрограде в 1918 г. Луначарский подробно анализирует проблему образования, дает научное определение этого понятия, его содержания и цели. Образование, говорит Луначарский, "должно стремиться создать из человека, искалеченного теперешним обществом", "гармоническое существо". "Нужно, чтобы он развернул все свои органы гармонично, так, чтобы они не мешали один другому. А общество в целом также должно развернуть все свои органы так, чтобы они не мешали один другому... и в обществе все должно служить для общей цели, и всякий отдельный индивидуум должен дать максимум творческих усилий, чтобы все слилось в одну гармонию. *И эта-то гармоничность, то, что мы называем культурой, и есть образование*" (курсив наш — Б.Ш.)[11].

Процесс образования не завершается школой, а продолжается всю жизнь, и "сколько человек живет, столько же он и учится". Конкретизируя понимание образованного человека, Луначарский утверждает, что это такой человек, который знает основы всех наук и искусств и в то же время имеет свою специальность. С присущей ему образностью и явно полемизируя со своими оппонентами, которые сферу эстетики, искусства пытались исключить из предметов образования, Луначарский говорил: "Невеждою не должен быть никто. Всякий должен знать основы всех наук и искусств. Будь вы сапожник или профессор химии, если у вас закрыта душа к любому из искусств, — значит вы урод, такой же, как если бы у вас не было одного глаза или вы были бы глухим. Ибо образование заключается именно в том, чтобы все, в чем человечество творит историю и культуру, что отражается в произведениях... чтобы все это было доступно каждому человеку, но чтобы при этом он имел какую-нибудь специальность"[12].

Луначарский разъясняет, что для нас внешкольное образование есть гигантский орган пропаганды научных и художественных ценностей, культурного просвещения народа, роста его политической сознательности. И наша задача заключается в том, чтобы сделать человека "борцом за человечность". А таким может быть только образованный человек, способный делать то, что он должен делать в эпоху величайшей революции.

Бережно относиться к культурным ценностям прошлого

Становление новой, социалистической культуры предполагало бережное отношение к великим культурным ценностям, созданным в прошлом. Поэтому сохранение этих ценностей выдвигалось в число первоочередных практических задач культурного строительства в стране. Необходимо было сохранить те исторические художественные ценности, которые хранились в музеях, картинных галереях, частных собраниях, уберечь их от расхищения и вывоза за границу. Сложность решения этой задачи усугублялась еще и тем, что среди части интеллигенции, принявшей революцию, в том числе сторонников организаций Пролеткульта и так называемого "левого фронта" в искусстве, раздавались призывы: отбросить как чуждые пролетариату ценности старой культуры и начать строить здание новой культуры на чистом месте. Некоторые, как например, поэт В. Кириллов, призывали "сжечь Рафаэля", другие предлагали выбросить из лексикона слова "эстетика", "красота" как якобы сугубое порождение паразитических классов; а Н.Пунин в газете "Искусство коммуны" (1918, №1) восклицал: "Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, новому человеку". Ему вторил и автор скандально известного "Черного квадрата" на белом фоне — Казимир Малевич, недвусмысленно выражая свое отношение к шедеврам древнерусской архитектуры: "Скорее можно пожалеть о сорвавшейся гайке, чем о разрушившемся Василии Блаженном" (речь идет о всемирно известном архитектурном памятнике XVI века, вне образа которого трудно представить себе Красную площадь в Москве).

К слову отметим, что распространяемые буржуазной прессой клеветнические слухи о том, что якобы этот памятник зодчества, а также некоторые исторические памятники Кремля были разрушены и разграблены во время революционных боев пролетариата с войсками Временного правительства в Москве, вызвали мгновенную эмоциональную реакцию Луначарского, побудившую его подать заявление в Совнарком об отставке. Однако, выяснив все обстоятельства и убедившись в ложности этих слухов, он отозвал свое заявление и составил

Обращение к рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России *“Берегите народное достояние”*. В этом Обращении нарком просвещения призывал трудовой народ как “нового полновластного хозяина”, унаследовавшего колоссальные природные и культурные сокровища, зорко беречь их, охранять их как собственное достояние. “Кроме богатств естественных, — говорилось в Обращении, — трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и прекрасных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа и т.д. Все это теперь воистину принадлежит народу, все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной. Товарищи! Надо зорко и бдительно беречь это достояние народа”[13].

С первых дней образования Наркомпроса Луначарский лично предпринимает колоссальные усилия по сохранению культурного достояния страны, уделяя большое внимание работе музеев, библиотек, театров и давая отповедь разного рода “ниспровергателям” классического искусства.

По его инициативе в 1918 г. Советским правительством был принят декрет об учете, запрещении вывоза за границу и национализации художественно-исторических имуществ. И уже в 1919 г. в ответ на публикации в американской буржуазной прессе, обвинявшей большевиков “в вандализме по отношению к музеям, дворцам, являющимся великолепными памятниками старины”, Луначарский в статье “Советская власть и памятники старины” с достоинством отвечал: “Мы можем с гордостью и уверенностью отвести от себя это обвинение и сказать, что мы совершили чудеса в деле охраны таких памятников. Конечно, я отношу не хочу этим сказать, что за время революционных восстаний и боев не погибли отдельные художественные ценности”. Но “не на отдельные разрушения надо обращать внимание — они имели бы место в любой, даже самой просвещенной стране, а на то, что в стране, преступно задержанной в своем развитии на стадии варварства, это разрушение не приняло широких размеров и было превращено силой народа, силой рабоче-крестьянского правительства в мощную охрану народного достояния”[14].

Проблема охраны памятников культуры и их функционирования как фактора духовного обогащения широких народных масс никогда не исчезала из поля зрения наркома. Достаточно вспомнить такие его публикации в газетах, как “Почему мы охраняем церковные ценности” (речь идет о древнерусских храмах Новгорода), “Почему мы охраняем дворцы Романовых. Путевые впечатления”. Повествуя здесь о своих впечатлениях о Петергофе, о колоссальной посещаемости его экскурсантами, которых привлекает архитектурный ансамбль “грандиозной своей художественной законченностью”, Луначарский сообщает, что посетивший Петергоф консервативный английский дипломат и знаток музейного дела сэр Конвей “посчитал своим долгом, кроме выражения чрезвычайно лестного мнения своего о сохранении под руководством Советской власти наших историко-художественных достопримечательностей, сделать об этом специальный доклад английскому парламенту”[15].

То есть те из зарубежных визитеров, посещавших Советскую страну в этот период и сохранивших способность объективно оценивать увиденное, вынуждены были констатировать, что слухи о “варварстве” большевиков сильно преувеличены, что в стране отмечается небывалый духовный подъем и тяга к знаниям, к культуре, что нормально функционируют музеи, библиотеки, что театры и концертные залы переполнены публикой из рабочих и крестьян и сам большевистский нарком просвещения является образцом человека высокой культуры, энциклопедической образованности, каких не найти среди министров просвещения в “цивилизованной Европе”.

В этом убедились и многие зарубежные скептики из числа ученых, принявших приглашение на юбилейные торжества по случаю 200-летия Российской академии наук и присутствовавших на торжественном заседании академии, на котором с речью выступил Луначарский. Академик А.Карпинский вспоминал: “Было известно, что на торжественном заседании выступит Народный комиссар просвещения. Некоторые иностранные ученые, не знавшие Анатолия Васильевича, думали, что увидят перед собой большевистского комиссара в кожаной куртке с револьвером за поясом, как их рисовала буржуазная пресса на Западе, и он будет провозглашать коммунистические лозунги. И как они были приятно разочарованы и удивлены, когда перед ними предстал обаятельнейший человек, за каждым словом которого стояла огромная культура и в выступлении которого звучала искренняя любовь к знанию, к науке, к человечеству”. Народный комиссар начал свою речь “по-русски, продолжил на немецком, французском, английском, итальянском языках и закончил на классической латыни”[16].

В реализации грандиозной программы культурной революции партия придавала большое значение освоению трудящимися ценностей классического искусства прошлого. Рассматривая популяризацию классического искусства как одну из важнейших задач художественной жизни страны, Луначарский разъяснял, что под классическим искусством разумеются *“бесспорно ценное в произведениях во всех отраслях искусства. Говорить же, что все старое искусство лишено всякой ценности, что на земле не было великих эпох искусства, великих художников и великих произведений, можно только по лицемерию или по невежеству”*. Утверждать, что пролетариат должен отказаться от всей прошлой культуры, “может только оголтелый анархист, случайно принявший себя за коммуниста и за марксиста” (7, 244—245).

Что же касается претензий “левых” художников, футуристов с их трюкачеством, их бессодержательными формалистическими экспериментами на статус “пролетарского искусства”, то, раскрывая несостоятельность таких претензий, Луначарский утверждал: “...Не подлежит никакому сомнению, что пролетариат и крестьянство получают гораздо больше от полных человеческого содержания произведений глубоко идейного, глубоко содержательного искусства лучших эпох прошлого, чем от искусства, которое заранее заявляет, что оно бессодержательно, что оно чисто формально, и которое доходит, наконец, до пропаганды абсолютной бессюжетности” (7, 248).

В соответствии с этим с целью утоления духовного голода масс литературно-издательский отдел Наркомпроса в тяжелых условиях, в которых находилась страна, предпринял поистине беспрецедентные шаги. Так, уже в октябре 1918 г. газета “Жизнь искусства” сообщала, что завершено издание полных собраний сочинений Кольцова, Крылова, Никитина, Жуковского, Чехова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского, Успенского, Ключевского; что заканчивается печатанье Л.Толстого, Гончарова, Гоголя, Достоевского и Некрасова. Кроме того, печаталось около сотни названий “Народной библиотеки”, в которую входили сочинения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гоголя, Достоевского и др. Количество выпущенных томов составило 5 млн. 763 тыс.

Это был поистине подвиг, ярко свидетельствующий об огромной заботе Советского государства о просвещении трудящихся, веками угнетаемых и духовно обкрадываемых эксплуататорами. В “Отчете о деятельности литературно-издательского отдела” приводились в связи с этим такие данные: “Полка, на которой можно было бы установить выпущенные книги, протянулась бы от Петербурга до Москвы, т.е. на 500 верст”. Приводя эти сведения, Луначарский писал: “Пусть с этой колоссальной полки снимают мозолистые руки крестьян и рабочих томы, написанные когда-то именно для них великими русскими писателями, до сих пор еще до них не дошедшие”[17].

“Новое время приносит с собою новый гуманизм”

Защищая классическое наследие, Луначарский в то же время весьма внимательно следил за ростками нового искусства, поддерживал их, будучи убежден, что трудящиеся массы, овладев культурным достоянием прошлого и критически его переработав с учетом своих классовых интересов, смогут достичь подлинных вершин и в сфере культуры в целом, и в художественной культуре в особенности, выдвинув своих

выдающихся мастеров слова, кисти, звука, свои яркие таланты и дарования. “Совершенно ясно, — писал он, — что наша культура, строящаяся на более широкой базе и в то же время базе, гораздо более высокой по своему историческому смыслу, потребует своего собственного искусства и что это собственное искусство, несомненно, должно превзойти не только более или менее эпигонское искусство современной мелкобуржуазной интеллигенции, но и высочайшие вершины искусства классического” (8, 197).

Проблемы формирования и развития социалистической художественной культуры, нового искусства, его места и общественных функций, его роли в формировании социалистической личности в наследии Луначарского послеоктябрьского периода занимали доминирующее место. Различные аспекты этой проблемы анализируются в таких работах, как “Революция и искусство” (1930), “Советское государство и искусство” (1922), “Перспективы советского искусства” (1927), “Основные задачи советской власти в области искусства” (1929) и др. В первой из этих работ Луначарский ставит вопрос: “Может ли что-нибудь революция дать искусству и может ли искусство дать что-нибудь революции?”. Отвечая на этот вопрос, автор отмечает, что для буржуазного искусства последнего времени крайне характерно полное отсутствие содержания. Формалистические искания выродились в чудачество и шутовство. “Революция же приносит с собой идеи значительной широты и глубины. Она зажигает вокруг себя чувства напряженные, героические и сложные”. И эти идеи способны вдохновить подлинного художника на создание содержательных, прекрасных произведений. Поэтому, утверждает он, “я жду от влияния революции на искусство очень многого, попросту говоря спасения искусства из худшего вида декадентства, из чистого формализма; революция должна вернуть искусство к его настоящему назначению, мощному и заразительному выражению великих мыслей и великих переживаний” (7, 294, 295).

В работе “Советское государство и искусство” Луначарский подвергает критике как проявление буржуазных взглядов т.н. “левых” художников, которые сводят искусство к производству вещей, отбрасывая идеологическое содержание искусства. Но ведь в такую революционную эпоху, говорит он, “Искусство должно было бы прежде всего быть идеологией, как это и бывало во времена предыдущих революций. Оно должно было бы быть способом организации эмоций народных масс в их нынешнем ураганном движении”. “Левые” художники, заявляющие о своей близости к революции, на самом деле “оказались в плену у той внутренне декадентской... тенденции к чистому формализму, которая опустошительно повлияла на искусство последнего десятилетия на Западе и до последнего времени имела неуклонную тенденцию к полной пустоте содержания и так называемой беспредметности... Безыдейники и беспредметники, конечно, никакого идеологического искусства дать не могли” (7, 260—261).

Вопрос о месте и функциях искусства освещается также в статье “Значение искусства с коммунистической точки зрения”. Луначарский подчеркивает огромное познавательное значение искусства: оно должно служить для анализа окружающей действительности. Далее, художник сознательно или бессознательно выступает еще и как проповедник. Значит, “искусство есть, таким образом, социальная сила, искусство есть мощное орудие пропаганды. С этой точки зрения... художник представляет из себя боевую силу, которая принимает участие в классовой борьбе”. Однако для того, — подчеркивает он, — чтобы мы получили не бледный коммунистический благонамеренный суррогат искусства или же публицистику... напрасно рядящуюся в художественные перья, условием этого является художественный талант и художественное умение” (7, 423).

В заключение он отмечает, что наряду с этим *идеологическим искусством*, т.е. искусством, устремленным к познанию жизни и воздействию на нее через потрясение человеческих чувств, важное значение имеет и *искусство промышленное*, “то, которое создает удобные и радостные вещи”, и “выражающееся в зданиях, мостах, парках, мебели, посуде, одежде и т.д.” Создавать художника-производственника и производственника-художника — задача, самым непосредственным образом связанная с коммунизмом, ибо “коммунизм есть пересоздание жизни из наших грязных и нелепых форм в формы удобные и радостные” (7, 425).

В то время как нарком просвещения делал все, чтобы убедить общественность в необходимости сохранения художественных ценностей прошлого и развития нового, социалистического искусства, как огромной идеологической силы, формирующей человека, среди части интеллигенции сохранялись глубоко ошибочные, нигилистические взгляды, отрицавшие искусство, необходимость его развития в новом обществе; распространялся культ машины, идеализация американского образа жизни. Некоторые из них вели себя весьма агрессивно и требовали убрать из школьных программ предметы эстетические, художественные. Характерным примером подобного рода являлась статья Н.Смирнова “Искусство и революция”, опубликованная в журнале “Народный учитель” (1926, №11). Ее автор без тени сомнения заявлял, что у искусства вообще нет никакого будущего, что ныне оно излишне; что “наша ставка, ставка всей революции сделана именно на машину” и что “мы должны стать новой Америкой, минус капитализм”.

Луначарский немедленно откликнулся на эту статью в том же журнале “Народный учитель”. С присущим ему полемическим блеском и глубиной аргументации он не только вскрыл несостоятельность утверждений оппонента, но и убедительно раскрыл место и функции искусства в жизни общества, в формировании новой, социалистической личности. Подчеркнув, что “искусство шло рядом с человеком от его колыбели”, что народ тянется к искусству и что в искусстве особенно ярко выявляются творческие силы человека, Луначарский замечает, что “наш американизированный т.Смирнов все это совершенно отрицает”, “он застрял в рабстве у машины”.

И далее он четко определяет свою, марксистско-ленинскую позицию относительно искусства, в котором справедливо видит гуманизирующий элемент культуры как органически присущий коммунизму. “Именно поскольку мы коммунисты, мы не должны обольщаться чисто буржуазными путями, не должны обольщаться машинопоклонством. Центр жизни мы видим в самом человеке, в его свободе, в его счастье. Отсюда нашей определенной задачей должно быть уже и сейчас — *внедрять насколько только можно глубоко гуманизирующий, глубоко человеческий элемент в культуру. А элемент этот глубже всего выражается в искусстве*” (курсив наш — Б.Ш.) (7, 483). И потому, “кто не понимает, что наша современность в этой области должна создать свое, кто думает, что эта область попросту не должна существовать, тот является варваром, ушибленным машиной до потери сознания человечности”; “их представления — это не представления пролетариата, это представления американизированного, омашиненного, обездушенного мещанина, ученика и апостола Тейлора и Форда, а не Маркса и Энгельса” (7, 483, 484).

Луначарский вел неустанную борьбу за идеалы человека всесторонне развитого и в этой связи решительно выступал против лефовцев и конструктивистов, воспевающих машины и машинизацию человека, узкое делячество, прославлявших американщину. Он утверждал, что “не человек для машины, а машина для человека”, что “социализм не торжество машины над человеком, а торжество человека над машиной” и что на самом деле гуманизм не умер, а “*новое время приносит с собою новый гуманизм, несравнимо более высокую оценку человека, чем когда бы то ни было*” (курсив наш — Б.Ш.) (7, 675).

Разделяя мнение молодежи о том, что нам необходимо покончить с обломовщиной, т.е. расхлябанностью, неорганизованностью, пассивностью, и воспитывать в человеке качества квалифицированного, организованного и деловитого работника, он опасается, как бы нам не противопоставить этой обломовщине узкое делячество, чуждое идеалам формирования духовно богатой социалистической личности. Он предостерегает против идеализации активного “человека-американца”, в высшей степени организованного, но как бы лишённого времени “углубленно мыслить о своем бытии — индивидуальном и социальном”, эгоистичного, поглощенного погоней за долларом “ради поднятия

своего социального веса” (7, 305).

Нарком предупреждал, что *американизация нашей культуры явилась бы ее омещаниванием и забвением тех великих революционных целей развития личности, которые выдвигает социализм*. “Нашей культуре, — говорил он, — должна быть свойственна ширь мировых горизонтов, огненный энтузиазм, который зажигается от соприкосновения с великими идеалами социализма... и положительный страх власть в колею разумного мешанства, которое нам очень грозит (ведь мы крестьянская страна!)” (7, 308).

“Шевченко высится как гений над ныне возрожденной Украиной”

Размышляя о путях становления и развития социалистической культуры как культуры интернациональной, Луначарский полемизировал с теми теоретиками Пролеткульта, которые противопоставляли классовую культуру национальной и отрицали необходимость свободного развития национальных культур. Так, П.Керженцев в журнале “Пролетарская культура” (1919, №6) писал: “В противоположность старой культуре, развивающейся на национальной основе в рамках отдельных государств, культура пролетарская будет твориться на основе чисто классовой. Она разрывает с национальным во имя общепролетарских, т.е., в конечном счете, общечеловеческих задач”.

Подобный нигилизм в отношении национальных особенностей культуры, нежелание видеть сложную диалектику соотношения национального и классового, национального и интернационального в культуре встречали решительную критику со стороны наркома просвещения. Он четко проводил в жизнь принципы ленинской национальной политики, резко выступал против высокомерного и пренебрежительного отношения к национальным особенностям культуры того или иного народа, исходя из понимания того, что “интернациональная культура не безнациональна”, и делал все для того, чтобы пробудить к культурной жизни угнетенные народы бывшей Российской империи, поднятые к историческому творчеству Великой Октябрьской революцией.

Следует отметить, что вопросы развития национальных культур различных народов и раньше привлекали внимание Луначарского. Еще до революции, находясь в различных странах Западной Европы — Швейцарии, Франции, Италии, Германии, он с большим вниманием и интересом знакомился с культурными ценностями разных народов, их литературой, архитектурой, живописью, театром, музыкой. Об этом свидетельствуют его многочисленные публикации, лекции, доклады, эссе, выявляющие широчайший диапазон его интересов и подлинно энциклопедическое знание мировой культуры. Поэтому, будучи убежденным интернационалистом, он никогда не сомневался в необходимости свободного развития культуры каждого народа, проявления ее неповторимого своеобразия. В работе “Культурные задачи рабочего класса. Культура общечеловеческая и классовая”, написанной в преддверии Октября 1917 г., он утверждал: “Человечество идет неудержимо по пути к интернационализации культуры. Национальная основа останется надолго, может быть навсегда, но интернационализм и не предполагает ведь уничтожения национальных мотивов в общечеловеческой симфонии, а лишь их богатую и свободную гармонию” (7, 183).

Еще ранее, в 1912 г., когда национальный вопрос особенно активно обсуждался на страницах социал-демократической прессы, Луначарский выступил со статьей “О национализме вообще и украинском движении в частности (журнал “Украинская жизнь”, 1912, №10). Отмечая, что среди социал-демократов есть последовательные космополиты, полагающие, что в будущем объединенном человечестве с единым языком и культурой нации исчезнут, Луначарский подчеркивает, что он “придает национальностям громадное и живое культурное значение и приветствует столь широко развивающиеся процессы возрождения к самобытной жизни... так сказать, обезглавленных национальностей”. Но “едва такое движение переступает известную границу, начинает гордиться своим, как чем-то исключительным, презирать и ненавидеть чужое и обесценивать колоссальные по форме своей интернациональные завоевания новейшего времени, как оно становится ни более, ни менее как видом ограниченности, коллективного идиотизма, достойного всякого порицания” [18].

Человек любой национальности обогащается, погружаясь в мир представлений других наций. Единство тогда лишь становится принципом красоты, когда оно охватывает возможно более богатое многообразие. “Многообразие национальное, — говорит Луначарский, — есть, думается, великое наследие человеческое, которое, надо надеяться, сохранится и даст еще недоступные нам наслаждения подъема жизни”. В то же время социалисты не могут мириться с национализмом, вгоняющим личность палкой в “народность” и высокомерно вззирающим на другие народы. Автор статьи с сочувствием цитирует Драгоманова: “Мы, конечно, не отрицаем национальности, но *отрицаем национализм*, особенно тот, который сам себя противопоставляет человечеству” [19].

Отмечая, что после 1905 г. в Украине национальное движение принимает все более массовый характер, приобретая различные формы, в том числе и отличающиеся “националистическим злопахательством”, Луначарский в этой статье высказывает пожелание “передовому украинству возможно больших успехов в деле преуказанного и Шевченко и Драгомановым сочетания любви к своему народу и служения ему с духом гуманизма и служения общечеловеческим идеалам” [20].

Что касается перспектив развития культуры украинского народа, то Луначарский, который вырос в Украине, который знал и любил украинскую культуру, утверждал: “От самостоятельного культурного развития украинского народа можно ждать самых отрадных результатов, ибо нет никакого сомнения в том, что это одна из даровитейших ветвей славянского древа... Мне кажется, что природа и историческая судьба создали для украинского народа важные предпосылки для культуры высокой и оригинальной” [21].

О глубоком знании и любви Луначарского к украинской литературе, к творчеству Кобзаря свидетельствует и его блестящий доклад в 1911 г. в Париже в связи с 50-летием со дня смерти Т.Г.Шевченко и написанная на основе этого доклада статья “Великий народный поэт”, изданная отдельной брошюрой во Львове в 1912 г. в переводе на украинский язык; русское издание вышло в 1920 г. в Харькове. Эта работа Луначарского до сих пор привлекает своей глубиной и оригинальностью, как одно из первых исследований критика-марксиста. Автор прославляет Шевченко как великого национального украинского поэта, как поэта народного, глубоко революционного и по духу своему социалистического. “Любой стране, любой нации, — заявляет он, — нет славы большей, как создать нечто для всего человечества. Благодаря Шевченко сокровища украинской души, словно полноводная река, влились в общий поток человеческой культуры, волнами плывущей навстречу светлому будущему. Слава Шевченко!” [22].

В послеоктябрьский период Луначарский неоднократно обращается к образу великого украинского поэта. Он выступает при открытии памятника Шевченко в Петрограде 29 ноября 1918 г. Он произносит вступительную речь на шевченковском вечере 14 марта 1927 г. в Большом театре в Москве. Характеризуя Шевченко как поэта-революционера, “который охотно протягивает руку всем трудящимся; будь то русский или украинец”, Луначарский, заключая свою речь, говорит: “Шевченко высится как гений над ныне возрожденной Украиной, и в этот день, когда украинцы хотят его чествовать... мы, москвичи, со своей стороны, от сердца нашей страны и всего трудового люда шлем украинцам свой самый искренний привет и пожелания расцвета их культуры, которая должна быть одновременно и национальной, и глубоко общечеловеческой, каким был сам Шевченко в его великих песнях” [23].

Активно направляя процессы развития новой, советской художественной культуры по пути социалистической идейности и народности,

Луначарский всемерно поддерживал развитие национальных культур всех народов Советского Союза, «не допуская и тени власти одной национальности над другой».

Проблемы развития народов Советского Союза автор рассматривает в контексте мирового художественного процесса и его основных тенденций. Луначарский здесь глубоко раскрывает присущие современному капитализму тенденции к *величайшему обезличиванию масс и соответственно нивелировке, стандартизации культурной жизни, которая навязывается народам всего мира самыми могущественными империалистическими державами, и в первую очередь США*. И в Европе и в Америке «на смену высокоэстетическим формам идут массовые танцы, массовая музыка в мюзик-холлах... Более благородные, более высокие и сложные формы искусства, как театр, совершенно выбрасываются из обихода». Эта цивилизация властной волной напирала на те страны и народы, «которые живут в национальных формах, более или менее самостоятельных», она стремится к полному поглощению качества количеством, к стиранию индивидуального творчества. Она нивелирует культуру народов, «стараясь одеть все человечество в какой-то пиджак определенного образца» (7, 487).

Наш интернационализм, — подчеркивает нарком, — не имеет ничего общего с этой тенденцией нивелировки, стандартизации и огрубления культуры народов. Он признает равноправие всех народов, право самоопределения и в области культуры. И «поскольку национальности признаются равноправными, поскольку подчеркивается их право на культурное самоопределение... постольку *«мы можем ждать именно от коммунистического движения колоссального защитительного вала против этой нивелирующей евро-американской силы»* (курсив наш — Б.Ш.) (7, 488). Размышляя о перспективах развития национальных культур, Луначарский отмечает, что по мере того, как пролетариату удастся сломить эти хищнические поползновения больших империалистических государств к поглощению и нивелировке национальных культур, лишь затем наступит «во-первых, чрезвычайное и новое цветение этих отдельных национальных черт искусства и быта, а во-вторых, огромный взаимный интерес национальностей друг к другу». Лишь в этом случае приостановится нивелировка и упадок художественно-культурных форм жизни отдельных народов. И утвердится *«принцип братства отдельных народов»* (7, 489).

“Писатель — учитель, он зовет к тому, что должно быть”

Утверждая в практике жизни ленинский принцип «Искусство принадлежит народу», Луначарский боролся за все большее приближение искусства к массам, за проникновение в мир деятелей искусства и его потребителей, правильного понимания идейного, социально содержательного искусства. В статье «Классовая борьба в искусстве» он подчеркивал, что надо бороться с бессодержательностью в искусстве, «мы должны доказать, что социальное содержание не понижает, а повышает искусство и его значение». Вся история искусства, — говорит он, — убедительно свидетельствует о том, что оно всегда выражало интересы определенных классов, даже тогда, когда его творцы заявляли о своей внеклассовости. Он не устал разъяснять, что «теория внеклассовости искусства и внеклассовости искусства есть тоже классовая теория... Искусство безыдейное является орудием классовой борьбы». И далее он предупреждает: «Если бы безыдейное искусство и утверждающая его теория могли восторжествовать в нашем Союзе, это было бы значительной победой буржуазии, значило бы, что наше искусство выбито из рук пролетариата и направилось по буржуазному пути»[24].

Поэтому ленинский принцип партийности искусства Луначарский оценивал как основополагающий принцип нового искусства, отражающего интересы трудящихся масс в их борьбе за идеалы социализма. В то же время он предупреждал от примитивной трактовки этого принципа, якобы ориентирующего писателя лишь на образную иллюстрацию лозунгов партии. Но писатель — это пионер, экспериментатор, он должен идти впереди, углубляться во все стороны жизни, суммировать этот опыт своим особым художественным методом, раскрывать тенденции развития жизни и таким образом обогащать теорию опытом и практикой жизни. Поэтому писатель — это некий разведчик. Но для этого он должен обладать не только зорким взглядом, но и широким кругозором и при условии, что он обрабатывает свой огромный материал марксистским методом, хотя и в области образного мышления.

В речи на Всесоюзной конференции пролетарских писателей (1925) Луначарский, отмечая, что «художник должен быть колоссально правдив и брать свои образы у подлинной жизни», подчеркивает, что «писатель — учитель, он зовет к тому, что должно быть, он проповедник», но его проповедь — образами, а не сухими схемами, и в этой проповеди образами его могущественная сила воздействия на чувства и волю масс, их сознание. И «мы должны стремиться поэтому к тому, чтобы в чисто художественном образе билось коммунистическое сердце» (2, 279).

Находясь в самой гуще политической и культурной жизни страны, острой борьбы различных художественных течений и направлений, принимая в ней самое активное участие, Луначарский, как никто другой, обладая исключительно тонким художественным чутьем и проницательностью, всегда безошибочно распознавал новый талантливый голос начинающего поэта или прозаика. Оценивая достоинства нового художественного произведения, помогал обрести верное направление творчества ищущему. Поэтому его литературно-критическое наследие содержит не только блестящие исследования творчества Горького и Серафимовича, как двух великих писателей пролетариата, но также размышления о поэте революции Маяковском, который «сделал все, что мог, для того, чтобы приготовить путь человечеству будущего» (2, 488). Он высоко оценивает книгу Д.Фурманова «Чапаев», «как спокойную, чрезвычайно эпическую, почти летописную поэму», и включает её в число лучших книг за десятилетие революции, наряду с «Железным потоком» Серафимовича. Он называет «тревосходным» роман Гладкова «Цемент» и отмечает богатую одаренность автора книги «Барсуки» Леонова. В число лучших произведений десятилетия он выделяет книги Сейфуллиной, поэму Багрицкого «Дума про Опанаса», а также творчество Асеева, Третьякова, Жарова и Уткина.

Он высоко оценивал произведение Фадеева «Разгром» и появившуюся в печати первую часть «Тихого Дона» Шолохова. Анализируя итоги прошедшего литературного года в журнале «Красная Новь» (1929), Луначарский пишет: «Еще не законченный роман Шолохова «Тихий Дон» — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы. Это произведение напоминает лучшие явления русской литературы всех времен» (2, 408).

В лекции «Русская литература после Октября» (февраль 1929) он вновь обращается к оценке этого романа Шолохова, как «настоящего шедевра», а его автора называет «блистательным талантом» (2, 652). И уже в одной из последних своих работ, посвященных осмыслению творческого метода новой, советской литературы, Луначарский в качестве образца произведений нового типа — социалистического реализма, наряду с романом-хроникой М.Горького «Жизнь Клим Самгина», называет также последний роман Шолохова «Поднятая целина», который стоит «на такой же высоте» и «поражает правдивостью своих образов и вместе с тем огромной напряженностью воли, симпатией, пониманием, самым напряженным участием автора в современных событиях» (8, 526).

Луначарским-критиком по существу не было упущено ни одно мало-мальски заметное явление в сфере нового искусства, — будь то литература, театр, изобразительное искусство, музыка, киноискусство, архитектура. Однако он не ограничивается лишь этим. Он стремится осмыслить и понять глубинные основы и закономерности процессов художественного развития нового общества, особенности творческого метода нового искусства как отражения художественных потребностей общества, строящего социализм. Именно эти проблемы начинают доминировать в последний период его творческой деятельности, когда накопленный практический опыт позволял более конкретно, с опорой на реальные факты делать такие обобщения.

В этот период он все более активно обращается к осмыслению исторического опыта литературной критики. Публикует работы, посвященные Белинскому, Чернышевскому, марксистской литературной критике Плеханова, Воровского, Ольминского. В 1932 г. в “Литературной энциклопедии” он публикует одну из своих лучших научных работ “Ленин и литературоведение”, содержание которой не только выходит далеко за пределы анализа сугубо литературоведческих проблем, но и впервые дает обобщение ленинских взглядов на культуру, сущность культурной революции. В 1933 г. в “Вестнике коммунистической академии” (№2–3) печатается статья “Маркс об искусстве”, которая также явилась одной из первых работ, посвященных анализу эстетических и искусствоведческих взглядов основоположника научного коммунизма.

Размышления над путями развития искусства социалистического общества, проблемами традиций и новаторств, идейности и мастерства, места и роли художника в жизни общества и формировании нового типа личности логически подводят Луначарского к осмыслению проблемы метода, присущего этому новому искусству. Так, в процессе поисков точной формулировки метода советской литературы он употребляет такие понятия: “героический реализм”, “монументальный реализм”, “новый диалектико-материалистический пролетарский реализм”, “социальный реализм”. И когда в “Литературной газете” (23 мая 1932 г.) впервые появился термин “социалистический реализм”, получивший признание широких кругов писательской общественности, Луначарский одобрительно откликнулся на его появление: “Термин хороший, содержательный, могущий интересно раскрыться при правильном анализе”[25]. Заслуга Луначарского в том, что он один из первых, наряду с М.Горьким, дал развернутый анализ содержания этого термина в докладе на Втором пленуме Оргкомитета Союза советских писателей в феврале 1933 г. Доклад был опубликован в журнале “Советский театр” (1933, №2–3) под заглавием “Социалистический реализм”. Это был один из самых блестящих и глубоких по своему содержанию докладов, которые произнес Луначарский в последний год своей жизни и в котором он, по существу, обобщил свои многолетние размышления о характерных чертах нового, социалистического искусства. Знакомство с содержанием этого доклада не только помогает глубже уяснить подлинную сущность социалистического реализма как *обобщения реальной практики лучших достижений искусства социалистического общества*, но и понять всю лживость прошлых и нынешних воинственных ниспровергателей этого метода как якобы некоего свода догм и предписаний, насильственно навязываемых художнику партией и убивающих талант творчества.

Вопрос о сущности социалистического реализма Луначарский рассматривает на широком историческом фоне развития мировой культуры, вскрывая его социально-классовую сущность, его глубокую укорененность в жизнедеятельности трудящихся масс как отражение их духовных, художественных потребностей, их устремленности к идеалам социализма и борьбы за их осуществление. “В чем же заключается социалистический реализм? — ставит вопрос Луначарский и отвечает, — “Прежде всего это тоже реализм, верность действительности. Мы признаем действительность как арену нашей деятельности, как материал, как задание”. Но наш реализм принимает действительность не статически, а как развитие, т.е. он сугубо динамичен. “Социалистический реалист понимает действительность как развитие, как движение, идущее в непрерывной борьбе, он определяет свое классовое положение, свою принадлежность к известному классу или свой путь к этому классу, он определяет себя как активную силу, которая стремится к тому, чтобы процесс шел так, а не иначе” (8, 495, 496).

Социалистический реалист не может быть объективистом, беспристрастным в отношении к изображаемой действительности, он полон страсти, он — боевой, он активно утверждает идеалы социализма. Поэтому ему присущ героико-романтический пафос. Его задача не только в том, чтобы показать, каков мир сейчас, но и в том, чтобы он “помог разобраться в действительности, помог воспитать нового человека” (8, 498).

Многогранная деятельность Луначарского как одного из талантливейших строителей новой социалистической культуры, его научные исследования в области истории и теории искусства и литературы, труды по педагогике, этике и эстетике, истории философской мысли, —нискали ему высоко уважение и признание как талантливого ученого среди представителей советской и мировой науки. В феврале 1930 г. он был единогласно избран действительным членом Академии искусств СССР. В “Записке об ученых трудах А.В.Луначарского”, представленной общему собранию Академии, говорилось: “Поистине изумителен диапазон образованности А.В.Луначарского. Он близко знаком со всеми дисциплинами гуманитарного цикла и серьезно работал в каждом из них. Философия, религия, социализм, эстетика, искусство, литература европейская и русская, теория и методология литературоведения и искусствоведения вообще — вот области, к которым относятся многочисленные труды А.В.Луначарского”[26].

В сентябре 1929 г. ВЦИК по личной просьбе Луначарского освободил его от поста наркома просвещения РСФСР. Он был назначен председателем Ученого комитета ЦИК СССР. С октября 1931 г. возглавлял Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). В августе 1933 г. Луначарский был назначен полномочным представителем (послом) СССР в Испании. Однако тяжелая болезнь не позволила ему приступить к исполнению новых обязанностей. Находясь на лечении за границей, он скончался во французском городе Ментоне 26 декабря 1933 г. Похороны А.В.Луначарского состоялись в Москве 2 января 1934 г. Урна с его прахом установлена в Кремлевской стене.

В “Автобиографических заметках”, относящихся еще к 1907 г., Луначарский написал: “Всюду и всегда работал и буду работать на пользу социализма”[27]. И действительно, вся жизнь этого выдающегося партийного и государственного деятеля, ученого, весь его “сверкающий талант” до конца были отданы борьбе за утверждение подлинно гуманистических идеалов коммунизма, формированию гармоничного человека будущего, прообразом которого и был этот ленинский нарком. Оставленное же им наследство продолжает жить и работать “на пользу социализма”, служить интересам трудящихся.

Примечания:

1. Щербина В. Ленин и Луначарский. // Литературное наследство, т.80. М., 1971, с.Х.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.18, с.364—365.
3. Луначарский А.В. Европа в пляске смерти. М., 1967, с.9.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.35, с.289.
5. Луначарский А.В. Собр. соч. в 8-ми томах. Т.7. С. 140. В дальнейшем ссылки на это издание сочинений А.В.Луначарского даются в тексте с указанием номера тома и цитируемой страницы.
6. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976, с.164, 165.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.37, с.431.
8. Революция—искусство—дети. Материалы и документы. М., 1966, с.69,70,72.
9. Там же, с.76.
10. Там же, с.101, 102.

11. Луначарский А.В. О воспитании и образовании. М., 1976, с.359.
12. Там же, с.356.
13. Литературное наследство, т.80. с.47.
14. Луначарский А.В. Об изобразительном искусстве, т.2. М., 1967, с.52, 57.
15. Там же, с.161.
16. Луначарский А.В. Исследования и материалы. Ленинград, 1978, с.208.
17. Цит. по: Трифонов И.А. А.В.Луначарский и советская литература. М., 1974, с.133.
18. Украинская жизнь, 1912, №10, с.10.
19. Там же, с.14.
20. Там же, с.15.
21. Там же, с.19.
22. Луначарский А.В. Статьи о литературе. М., 1957, с.439.
23. Луначарский А.В. Неизданные материалы. // Литературное наследство, т.82. 1970, с.214.
24. Луначарский А.В. Статьи о советской литературе. М., 1958, с.142.
25. Луначарский А.В. Романика на советской сцене // Советский театр, 1933, №1, с.16.
26. Луначарский А.В. Исследования и материалы. с.209.
27. Луначарский А.В. Неизданные материалы. // Литературное наследство, т.82, с.553.